

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249

УДК 811.161.1'373

Научная статья / Research article

Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование

О.В. Шкуран

Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
ул. Оборонная, 2, Луганск, Украина, 91016
oksana.shkuran@mail.ru

Статья посвящена междисциплинарному подходу в исследовании семантики прилагательного «сакральный», индоевропейский корень которого был положен в основу латинской лексики *saker*, изначально иллюстрирующей разнополюсное понимание — от божественного до демонического, от возвышенного до обмирщенного. Особенное внимание уделяется дефинициям прилагательного в толковых, этимологических словарях XIX—XX ст., в мифологических представлениях, в фольклорных текстах, в календарной, семейной и др. обрядности, во фразеологии, паремиологии и т.д. В исторической ретроспективе анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» выявил дохристианский, христианский, секуляризованный этапы лексико-семантических вариаций. Комплексное исследование подтверждает трансформацию не только мировоззренческих систем, но и языковых средств, способствующих формированию в сознании русского человека метапредставления о прилагательном «сакральный» с целью выявления культурологической доминанты и активного поиска в восстановлении его семантического ядра.

Ключевые слова: металингвистика, сакральный, святой, священный, секуляризация, лексико-семантические вариации

История статьи:

Дата поступления: 25.01.2020

Дата приема в печать: 01.02.2020

Для цитирования:

Шкуран О.В. Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 233—249. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249

© Шкуран О.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'373

The Adjective “Sacred” in Metalinguistics of the Language: Functional-semantic Research

Oksana V. Shkuran

Lugansk Taras Shevchenko National University

St. Oboronnaya, 2, Lugansk, Ukraine, 91016

oksana.shkuran@mail.ru

The article is devoted to an interdisciplinary approach to the study of the semantics of the adjective “sacred”, the Indo-European root of which was the basis of the Latin token *sacer*, initially illustrating a multi-pole understanding — from the divine to the demonic, from the sublime to the secularized. Particular attention is paid to the definitions of the adjective in the explanatory, etymological dictionaries of the XIX—XX centuries, in mythological representations, in folklore texts, in calendar, family and other rituals, in phraseology, paremiology, etc. In a historical retrospective, an analysis of changes in the semantics of the adjective “sacred” revealed the pre-Christian, Christian, secularized stages of lexical-semantic variations. A comprehensive study confirms the transformation of not only worldview systems, but also language tools that contribute to the formation in the minds of Russian people of the meta-idea of the adjective “sacred” in order to identify the cultural dominance and actively search and restore its semantic core.

Key words: metalinguistics, sacred, holy, secularization, lexical-semantic variations

Article history:

Received: 25.01.2020

Accepted: 01.02.2020

For citation:

Shkuran, O.V. (2020). The Adjective “Sacred” in Metalinguistics of the Language: Functional-semantic Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 233—249. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249

Введение и постановка проблемы

Одним из центральных понятий архаической картины мира и важным термином в христианском богословии являлось прилагательное «сакральный». Его популярность и сейчас настолько поразительна, что создается впечатление: «сакральный» широко употребим и применим в границах отечественной философской, религиоведческой, культурологической и теперь уже лингвистической мысли. После периода «массового атеизма» светская материалистическая мысль, по словам А.В. Медведева (1999), использовала термины «сакральное», «священное», «святое» на интуитивно-смысловом уровне, «и этого было достаточно, теперь же видимо, настало время осмысления» [1. С. 13]. Ведь не секрет, что в различных контекстах прилагательное «сакральный» используется для подчеркивания значимости, ценности, напр.: *сакральный ужас, сакральный перформанс, сакральный защитник, сакральный и inferнальный, сакральный сад* и др. [2].

В данной статье рассматривается семантическая динамика прилагательного «сакральный», поскольку ценностный компонент и сакральная коннотация создают новый смысловой комплекс метаязыка лингвистики. В функционально-семиотическом исследовании прилагательного «сакральный» отражаются духовно-нравственные и этические ориентиры. Анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» в исторической ретроспективе позволяет выявить аспекты функционально-семантического изучения в диахроническом и синхроническом аспектах, воспроизвести трансформацию мировоззренческих систем прошлого, совершить попытку расшифровки культурного кода нации. А вторичное представление метаязыка лингвистики поможет выявить культурологическую доминанту прилагательного «сакральный» посредством использования знаний междисциплинарных уровней гуманитарной науки.

Цель статьи — выявить комплексное системное представление этимологических, структурно-семантических, когнитивных, прагмалингвистических свойств прилагательного «сакральный», проявляющихся в закономерностях его функционирования; определить основные тенденции рассмотрения и понимания данного термина метаязыка лингвистики в связи с мировоззренческими переменами в сознании нации.

В соответствии с целями данной работы применялись следующие методы: функционально-семантический метод, описательный метод синхронного лексикологического анализа материала, метод дефиниционного и сопоставительного анализа, контекстуальный анализ и др.

К вопросу об этимологическом анализе прилагательного «сакральный»

В процессе освоения новой проблематики целесообразно обратиться к этимологическим, основательным энциклопедическим словарям, к просветительно-философским исследованиям за последние два столетия. Источником происхождения прилагательного «сакральный» признан латинский язык и форма слов *saker* (*sakra*), которые «происходят от индоевропейского корня *sak*, что позволяет понять, какой изначальный смысл вложен в индоевропейское видение мира — соответствие космосу, фундаментальная структура вещей, существующая реальность» [3. С. 205]. Понятие святости, по словам В.Н. Топорова, гораздо древнее мировых религий, его аналоги встречаются в праславянском, балтийском, иранском языках [4. С. 8—10], поэтому современный термин «сакральный» соединяет в себе «святое» с индоевропейской традицией интерпретации сакрального, что дает возможность ощутить новую языковую реальность. «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого (1976) расширяет семантическое поле адъектива «сакральный» следующими дефинициями: ‘посвященный, предназначенный, священный, святой, внушающий благовестное уважение, великий, обреченный подземным богам, то есть преданный проклятию, проклятый, магический, таинственный’ [5. С. 891].

В словарной статье представлены два разнополюсных понимания — приближенный к божественному и далекий от него. В латинском языке словообра-

зовательное гнездо включает ряд лексем, которые расширяют семантическое поле данной лексемы и способствуют словообразовательной потенции: *sakro* ‘освящать, объявлять неприкосновенным; священным, нерушимым; посвящать, увековечивать; обессмертить’; *sacrum* ‘священный предмет, священная утварь; священное творение; священнодействие, богослужение; жертвоприношение’; *sakerdos* ‘жрец, жрица’; *sakerdotalis* ‘духовенство, епископская кафедра’; *sakerdotium* ‘первосвященник’; *sakrarium* ‘помещение для хранения священной утвари’; *sakratio* ‘посвящение’; *sakrator* ‘освятивший’; *sakrafer* ‘везущий священные предметы’; *sakrificialis* ‘жертвенный’; *sakrilegus* ‘осквернитель святыни, нечестивец, негодяй’ и др. [5. С. 891—892]. Мы видим, что лексема *saker* называла в Древнем Риме то, что принадлежало богам или богу; а *sanctus* — обозначала обратное действие, влекущее за собой санкции. Отсюда следует, что прилагательное «святой» имеет более раннее происхождение, чем «сакральный»; латинизм «сакральный» становится многозначным, обретает оппозиционную оценочность (сакральный — десакральный).

Современные тексты различного направления используют прилагательное «сакральный» от возвышенного поэтического текста до серьезно научных дискурсов для подчеркивания особой значимости и ценности чего-либо, но в значительной степени в русском языке между понятиями «сакральный», «святой», «священный» ставится знак тождественности. Подтверждением этого является тот научный факт, что в толковых словарях русского языка XIX — нач. XX ст. отсутствует прилагательное «сакральный». В «Словаре церковнославянского и русского языка», составленного Вторым отделением Императорской Академии наук (1847), представлена лексема «святой» следующими дефинициями: 1) все-совершенно чистый, непорочный, напр. *Святая Троица*; 2) ведущий к святости, непорочности; 3) живущий по заповедям Божиим, праведный. Употребляется в сочетании *святой отец*, *Святой Дух*, *Святая вера*, *Святая Церковь* и др. От прилагательного «святой» образован семантический ряд религиозно-богослужебного содержания *святейший*, *священнический*, *священноблаженный*, *священнодиако́нский*, *священнодействи́тельный*, *священнодействи́тельный*, *священнопобедный*, *священнословный*, *священноявленный* и др. [6. С. 109—111].

В «Полном церковнославянском словаре» (составитель Г. Дьяченко, 1899) лексема «святой» расширяет семантическое поле прилагательного «сакральный» пятью дефинициями: 1) То же, что и избранный, верующий; так называются христиане в отличие от иудеев и язычников; 2) все-совершенный, праведный, живущий по правилам, предписанным верою; угодник Божий, наслаждающийся вечным блаженством; 3) светлый, незапятнанный, сияющий, почтенный; 4) все, посвященное Богу; 5) имя Господнее. В словарной статье лексема «святой» проиллюстрирована и в других славянских языках, подтверждая родственность происхождения *свет*, *цвет*, *свят* в значении «блеск». Прилагательное «святой» употребляется в словосочетании *Святой Израиль* (называя Иисуса Христа), *святые врата* (Царские двери или ограда монастыря или храма, над которым размещена надвратная икона особо чтимого святого или праздника).

Лексема «священный» входит в состав сложных слов, в образовании которых положены греческие традиции словообразования: *священноблаженный* (ублажаемый церковью, святитель); *священнограбитель* (расхититель церковных вещей), *священнодейственик* (совершающий священное служение); *Священное Писание* (книги Ветхого и Нового Завета); *священноиноки* (монашествующие священники); *священноисповедник* (претерпевший мучения за вероисповедание); *священнолюбно* (достойно святыни, священно); *священномученик* (святые мученики, имеющие священнический сан и пострадавшие за Христа); *священнородный* (рожденный от священника) и др. [7. С. 584—586].

Чуть позже в «Этимологическом словаре русского языка» под ред. А. Преображенского (1910—1914) словарная статья к лексеме «святой» наполняется производными словами религиозного содержания — *святейший*, *святочный*, *святоша* (ханжа, лицемер), *освящать* (благословлять), *посвятить* (рукоположить в священный сан), *святимище* (священное место), *священный* (хлеб), *священник*, *преосвященный* (титул архиерея), *преосвященство*, *высокопреосвященство* (архиепископ, митрополит), *святотатство* (кража церковного имущества), *священновоин*, *Святая-святых* (неприкосновенное, чистое) и др. [8. С. 266].

Словарная статья, посвященная лексеме «святой», в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского (1912) представляет в количественном отношении более обширный материал и демонстрирует семь лексико-семантических вариантов: 1) всесовершенный, исполненный святости; 2) чистый, непорочный, праведный; 3) освященный; 4) относящийся к учению православной церкви; 5) ведущий к святости, освящающий; 6) священный (имеющий отношение к церковным праздникам и предметам, относящимся к религии и богослужению); 7) титул высших чинов духовенства [9. С. 308—309]. Во всех значениях прилагательное выражает сакральную коннотацию.

Как видим, широта использования лексемы «святой» («священный») свидетельствует о том, что данный термин в русском языке перешел из области онтологии в область междисциплинарного изучения, стал определяющим ценностным и этическим ориентиром для общественной жизни и отдельных людей. Ф.И. Буслаев в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянские языки. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» пишет: «Чтобы определить степень влияния христианства на славянский язык, следовало сначала рассмотреть оный вне христианства, показав в нем следы язычества, и потом уже обозначить, что внесено в него христианством. В заключение работы автор приходит к выводу: «Славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей» [10. С. 210].

В традиционной культуре аналогами сакрального в славянских языках, по словам Н.И. Толстого, являются различные дериваты *svet-: рус. ‘святой’, укр. ‘святій’, бел. ‘святы’, болг. ‘свет’, серб. ‘свет’, пол. ‘śwęty’; чеш. ‘svatý’ и др.

В славянской культуре прилагательное «сакральный» представляет сложное понятие, поскольку соединяет дохристианское представление с развившимися новыми идеями и основополагающие христианские ценности — это и свя-

той (как прилагательное и субстантивированное имя существительное), и священный, и сокровенный.

Дохристианские представления о сакральном у славян соотносились с общей идеей роста, силы, жизни, здоровья, изобилия божественных производительных сил, которыми были наделены флора и фауна, стихии пространства, общественные объединения и др. [11. С. 535]. Сакральное находит свое отражение в мифологических представлениях, в фольклорных текстах, в календарной, семейной и др. обрядности, во фразеологии, паремиологии и т. д. При исследовании магично-мифологичного мировоззрения реликтовых этносов польско-английский этнограф Б.К. Малиновский (1884—1942) в работах «Магия, наука и религия», «Миф в примитивной психологии» определил место сакрального в жизни человека примитивной культуры. Ученый разграничивал понятия «религия» и «магия», исследуя предназначение обрядов и ритуалов: одни организовываются с определенной целью, а другие церемонии являются самоцелью (например, ритуал после родов, сакральный ритуал принятия пищи как причащение): в религиозных обрядах отсутствовала нацеленность на последующее событие. Переломными жизненными моментами человека и ядром бесчисленных верований и обрядов автор считал зачатие, беременность, роды, наступление половой зрелости, бракосочетание и смерть. В примитивных обществах традиции считаются высшей ценностью, строго придерживаются порядка их соблюдения, полученных от предшествующих поколений. Сакральность религиозных ритуалов народов «призвана запечатлеть эту власть и ценность в умах каждого поколения и в то же время служат исключительно эффективным средством передачи новым поколениям духовного наследия племени, обеспечения непрерывности традиций и поддержания племенного единства и племенной солидарности» [12. С.16].

Таким образом, дохристианский период понимания прилагательного «сакральный» представлен синонимическим рядом — ‘архаичный’, ‘традиционный’, ‘ритуальный’, ‘божественный’ (в языческом понимании связан с несколькими богами), ‘священный или тотемный’ (в значении ‘олицетворяющий образ животного, растения, минерала’).

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных (1999), по сравнению с более ранними изданиями толковых словарей, семантическое поле лексемы «святой» представлено гораздо уже, в словарной статье не приводятся примеры употребления в речи или литературных произведениях: 1) ‘являющийся предметом религиозного почитания и преклонения, божественный’; 2) ‘глубоко чтимый, заветный, дорогой’ [13. С. 149]. Результат столетнего забвения православных ценностей привел к состоянию неопределенности по отношению к национальному идеалу личности, аксиологически неясной ситуации в смысловом поле национальной культуры. Место смыслового ядра прилагательного «святой», принадлежащего первоначально семе «Бог», по словам С.Н. Селезневой, занимала сема «нравственность». Сакральная коннотация лексемы «святой» лишилась всякой связи с традиционной религиозной константой и наполнилась мирским содержанием.

В толковом словаре под ред. Г.Н. Складневской (1998) внесены новые или забытые, смысловые оттенки двух лексем-омонимов, *святой*¹: 1) *исходящий от Бога, связанный с Богом; близкий к Богу; 2) освященный, священный; предназначенный для служения Богу; 3) наделенный Божественной благодатью; являющийся источником божественной силы; святой*²: 1) *тот, кто провел жизнь в служении Богу и/или пострадал за веру и после смерти признан церковью образцом добродетели и покровителем верующих, наделенных даром чудотворения и осуществляющим связь между Богом и людьми* [14. С. 569—570]. Речевые примеры представлены контекстами высокого стиля, изобилуют компонентами религиозной лексики, тексты принадлежат как религиозным источникам, так и общественно-политическим изданиям. Достаточно многочисленная группа однокоренных лексем-прилагательных и существительных — *Святки, Святцы* ('церковный календарь с указанием праздников и дней памяти святых; месяцеслов', *святочный, святейший, священный* ('обладающий святостью, божественной благодатью') и др. Здесь мы видим полное соответствие лексическому значению исходному понятию, изложенному в словарях XIX — нач. XX ст.

Устойчивость сакрального в архетипическом сознании русского человека

Образ сакрального формируется и через устойчивые единицы, отражающие сферу вымышленного, нереального, архетипического сознания. По нашему мнению, к таким языковым единицам можно отнести поговорки, идиомы, афоризмы и др., которые представляют собой «целостные и структурированные представления о позитивном отношении народной культуры к традиционной религии» [3. С. 205]. Поскольку прилагательное «сакральный» входит в сферу научного описания, в традиционной культуре используется тождественное прилагательное «святой».

Фразеологизмы *святая истина; святая простота; Святая Русь; Родина Святая; Святая Святых*; поговорки *Свято место пусто не бывает; Святые денежки умолять* [15. С. 373, 388], *Свят муж: только пеленой обтереть да в рай пустить* (о фарисеях); *святым духом знать* (сверхъестественным способом, по наитию) [16. С. 783], зафиксированные в словарях М. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1896), «Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1912), проясняют структурные изменения в семантике компонента «святой» в связи с мировоззренческими эволюциями в русском общественном сознании. В данных лексикографических изданиях автор только приводит примеры употребления устойчивых единиц без объяснения семантики, демонстрируя легкую иронию. Фразеологизм *святая простота* в значении 'бесхитрый, простой человек' буквально переведен с латинского языка о *sancta simplicitas*, о котором пишет Тураций Руфин (IV в.), утверждая его происхождение на Первом Никейском соборе в 325 г. Поговорка *свято место пусто не бывает* означает, что никакое хорошее место не может пустовать. Учитывая, что святым оно может быть только рядом с Богом, устойчивое выражение иллюстрирует употребление сакрального компонента и позитивное отношение к

нему. Современные трансформации усугубили долю сарказма и профанизировали сакральный смысл, напр.: «*Свято место пусто не бывает*», — сказал *Володя Семенов и продолжил искать клад под церковью; Свято место пусто не бывает; Уходит молодость — неутешительный прогноз... И тут же зрелость этот стульчик занимает, — А чуть попозже придет и старческий склероз; Свято место долго пусто не бывает; Свято место пусто не бывает: когда уходит любовь, на ее место приходит пофигизм; Свято место пусто не бывает, особенно когда нагрето и у интернета и др.* Видимо, по словам О.В. Ломакиной, в «качестве ключевых слов могут выступать сверхсловные единицы, которые становятся содержательными доминантами текста и представляют собой своего рода метатекст» [17. С. 115]. По всей видимости, прилагательное «святой» является таковой доминантой с ироничным оттенком.

В Словаре В.И. Даля в словарной статье к прилагательному «святой» проиллюстрировано как религиозное, так и народное понимание. С одной стороны, внутреннее содержание лексемы наполнено стремлением и осознанием идеала: *Что Бог дал, свято!* а, с другой стороны, — труднодостижимостью заданного образца: *Бес не ест, не пьет, а свят не живет* (о посте); *Не знаешь, какому святому молиться; Поди ко святым! Голый — что святой: беды не боится.* Даль приводит примеры фразеологических выражений с сакральной семантикой: *святая Отчизна, святой долг, святое слово, святой угол, святая правда, свят день, святой дождь, святая вода, святое дерево* и др., определяя культурные доминанты простого русского человека [18. С. 93—96].

В «Большом словаре русских поговорок» (2007) В.М. Мокиенко, Т.Г. Никишиной в поговорках лексемы объединяются на основании следующих признаков: грамматически — значением лица (Бога), семантически — общей гиперсемой «святой», являющейся выражением понятия о сакральном, синтагматически — устойчивой сочетаемостью с данным прилагательным, напр.: *куда святая выведет* ‘беспечно, не задумываясь о будущем’, *пора под святые положить* ‘о слабом, близком к смерти человеку’, *не в святых и жить* ‘выражение утешения, успокоения’; *не знаешь, какому святому молиться* ‘о большом количестве начальников’; *молоть не ту святую* ‘говорить чепуху, вздор’; *быть под святым* ‘быть при смерти, быть близким к смерти’; *лежать под святыми* ‘1) быть при смерти; 2) умереть, скончаться’; *встать из-под святых* ‘выжить, будучи тяжело больным’; *наобум святых* ‘неточно, наугад’; *хоть святых выноси* ‘о чем-либо нестерпимом, невыносимом’; *у всех святых на Кулижках* ‘нигде’ и т.д. [19. С. 601]. В перечисленных паремиях ключевое слово «святой» является «обозначением традиционного национального идеала, входящего в семантическое ядро русской культуры» [20. С. 3], однако смысловая доминанта переносится на периферийную зону значения. В результате такого сдвига сакральное единство формы и содержания способствует семантической десакрализации.

С принятием христианства старая идея сакрального была переориентирована с материального и физического на идеальное, духовное; с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. Прилагательное «сакральный» приобрело

понимание святости — сопричастности человека с Богом и преобразования духовного и телесного под воздействием Божьей благодати.

Т.Е. Владимирова в публикациях «Сакральная память слова» (2016), «Сакральный код евразийских народов. О тотеме-первопредке» (2017), «Дохристианские верования восточных славян» (2018), «Русская филология и духовный потенциал языка» (2016) называет филологию службой понимания, поскольку она является надежным хранителем духовной культуры человечества, «вместе с энергийной природой языческого мировосприятия человек унаследовал сакральные установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия — на духовное саморазвитие» [21. С. 127]. По словам автора, долговременный языческий уклад со свойственным ему «духом раздора» создавал экзистенциальный напряженный модус бытия, а христианская ступень духовной культуры открыла путь к личностному совершенствованию.

Г.А. Толстова в исследовании «Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой» представила сакральную лексику языковой личности Агафьи Лыковой, проживающей в микросоциуме христиан старообрядческой веры в условиях ограниченной речевой практики. Респондент пользовалась церковнославянской графикой, сохраняла лексику старообрядческой рукописной литературы, цитировала Священное Писание, использовала лексемы, отражающие сакральную вероисповедную сферу (правило, братия, дело, поделом и др.). Автор работы собрала словарь лексической системы Агафьи Лыковой, состоящей из четырех компонентов, один из которых — сакрально-богослужебный. Такой сакральный пласт лексики свидетельствует о глубинном библейском миропонимании и сохранении семейных традиций [22].

О.В. Гневэк в работе «Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц)» в фонде фразеологических единиц и пословиц русского языка представила различные коннотативные оттенки концепта «Бог» и отметила десакрализацию (профанизацию) понимания сакрального понятия. Ученый отмечает, что не всегда в сознании носителей языка срабатывают «ментальные ограничители», накладывающие запрет на фривольное отношение к божественной сущности. Созданные трансформы пословиц и поговорок в устной речи отражают двоякую ситуацию: во-первых, быть оригинальной языковой личностью в обществе становится популярным; а во-вторых, у языковой игры должен быть предел [23].

Н.П. Дронова в публикациях «Рождество в языковой немецкой картине мира: лингвокультурологический аспект», «Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке» рассматривает сакрализацию как акт наделения явлений свойством святости, религиозной исключительности, сверхценности, подтверждая идею П. Тиллиха, который пишет об экзистенциальной концепции религии с отсутствием четкой границы между сакральным и секулярным: «религиозное и секулярное — области нераздельные и располагаются одна в одной» [24. С. 265]. Сценарий ритуализированной деятельности, по мнению Н.П. Дроновой, включает ядерные элементы, базирующиеся на архаических и христианских

представлениях о действительности, а сложная структура лингвокультурологического поля праздника представляет значительный пласт ментальной информации, содержащей историческую и социокультурную информацию о развитии этноса.

И.А. Королева в исследовании «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте» дифференцирует понятия сакральной и богослужебной лексики, называя их единицами языка, связанными с религиозным культом и ритуалом, являющимися священными для носителя языка и представленными в словарях. Автор иерархически выстраивает связь лексем, начиная с более высокого уровня — сакрального (обладающие высшим совершенством и сверхъестественной силой), а затем богослужебного (связанными с церковными обрядами) [25. С. 12].

Представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова 2007, Н.А. Воробьева 2007, Т.Н. Бурмистрова 2008 и др.) рассматривают прилагательное «сакральный» в широком смысле и проводят исследования диалектных текстов, содержащих в себе сакральную информацию пралогической, языческой, дохристианской картины мира [26. С. 6]. Можно согласиться с различием отдельного пласта сакрально-богослужебной лексики и фразеологии, а также связанной с живой духовной культурой народа, а именно различные фольклорные жанры. По словам Н.А. Воробьевой, «сакральный — это производитель сакрального действия, обозначение сверхъестественного персонажа» [27. С. 25]. Ученые выбирают предметом исследования устойчивые единицы с сакральной семантикой из диалектных текстов, но исследуемый материал, на наш взгляд, не дифференцирован на компоненты с ложной сакрализацией (напр. приговоры, заговоры и т.д.).

Общее и специфическое в концептуализации сакральных образов в идиоматике русского и польского языков, характеризующих с точки зрения православного и католического вероисповедания, выявлены К.Д. Наумовым в научном труде «Концептуализация мира на основе сакральных образов (на примере русской и польской идиоматики)» (2013). Ядро макрополя сакральных образов, по мнению ученого, полно и последовательно представлено фразеосемантическим полем (ФСП) «Христианство» — номинация божественных сил и духа, христианские догматы, сакральные тексты. Околоядерная зона представлена ФСП «Славянское язычество», а затем сакральными античными системами. Автор для компонентного анализа использует большой практический материал, но четкого разграничения между истинными и ложными сакрализаторами не представляет [28].

Осуществляя лингвистический анализ лексико-фразеологических единиц со значением темпоральности в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», исследователи А.А. Охалина, С.М. Белякова (2013) называют сакральными хронологию православных праздников и события определяет не конкретными датами, а религиозными праздниками, постом или мясоедом. Как видим, герои романа сочетают в образе жизни традиционное представление о темпоральности, устанавливая сакральное и профанное время, историческое и возрастное, личное и природное время. Языковая репрезентация времени зависит от этнокультурных,

религиозных, мифологических представлений как вторичного феномена поли-темпоральности [29].

Для обозначения сакральных лексических единиц Т.В. Кузьмина в научном труде «Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка: с привлечением единиц из болгарского языка» (2011) обобщила и выделила следующие дефиниции: мифологемы, сакрально-религиозная, сакрально-богослужебная, старообрядческая конфессиональная, религиозная, церковно-религиозная лексика и лексика православной веры. Ученая делает акцент на дохристианской картине мира, поэтому прилагательное «сакральное», по словам исследователя, называет сверхъестественное явление, вызванное потусторонней, в том числе и божественной силой. В работе выделены тематические группы: «Человек духовный» (крещение, венчание, душа, ангел), «Предметный мир человека» (дверь, колодец, веник, стол, зоонимы, мед). Хотя в классификации лексических единиц отсутствует оппозиция сакрального и десакрального, Т.В. Кузьмина приходит к выводу о том, что в семантической структуре языковых единиц присутствует оппозиция *добро — зло, свет — тьма* и др. [30].

Проблеме семантико-стилистических эволюций группы слов с лексемой «святой» посвящено исследование С.Н. Селезневой «Динамика группы слов с гиперсемой “святой”: по данным русской лексикографии» (2013), в котором возвращены утраченные социумом смыслы данной гиперсемы как фактора преодоления экзистенциального вакуума в национальной культуре русского народа. Секуляризация мировоззрения, по словам ученой, порождает переосмысление сакральных смыслов и внутренней потенции к обмирщению ключевых слов языка. Эволюция семантических смыслов проиллюстрирована двумя смысловыми уровнями — уровнем «первоначально заданного смысла» (определение В.В. Колесова), что, по всей вероятности, и содержит сакральный смысл, и вторым уровнем — уровнем человеческого постижения, воплощенного в разнообразии лексико-семантических вариантов, оттенков, коннотаций. На наш взгляд, С.Н. Селезневой предложена интересная модель описания семантико-стилистической динамики: установление первоначальной семантики этимона на основании этимологических словарей, исследование лексикографических данных в диахронии, обзор современных средств массовой информации. Именно они формируют параллельное обмирщение единиц с сакральной семантикой [20].

Таким образом, прилагательное «сакральный» приобретает новое понимание — ‘сверхъестественный’, ‘божественный’, ‘богослужебный’, ‘духовный’.

Данный термин становится предметом исследования не только современных лингвистов, но и *литературоведов* (Шабловская Л.А. Функционирование отвлеченных существительных в Тетраевангелии: словообразовательный, семантический и концептуальный аспекты, 2005; Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики: песни и причитания, 2007;), *историков* (Польская С.А. Сакральность королевской власти во Франции середины VIII—XV вв., церемониальный и символический аспекты проблемы, 1999; Шевченко И.Ю. Архаические мифологемы социального бытия и социального порядка, 2011), *социологов* (Михайлов Д.Н.

Проблема сакрализации власти в социально-философском дискурсе, 2007), *культурологов* (Чершинцева М.А. Феномен тайнописи в культуре и его специфическое проявление в творчестве И.С. Баха, 2010; Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города, 2010; Иванова В.Я. Мандорла и горалествица как формы выражения смыслов в русской православной культуре, 2014), *философов* (Мелютин М.Н. Священный хронотроп культурного ландшафта Русского Севера: по материалам Кенозерского национального парка, 2011; Белолобская С.В. Православные христианские храмы на территории Якутии: нач. XVIII — нач. XXI вв.), *юристов* (Кофанов Л.Л. Возникновение и развитие римского права, 2001), политологов (Дамирчиев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования, 2010); *географов* (Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры, 1993; Терехихин Н.М. Сакральная география и иеротопия Русского Севера, 2016; Сакральная география Таджикистана, 2019) и др.

Заключение

Таким образом, обобщение названных работ отечественных ученых позволило выявить семантическое поле родового понятия «сакральный»: *духовный, идеальный, знающий, иррациональный, культовый, культурно-архетипический, маргинальный, мистический, открывающий, сакрально-властный, сакрально-погребальный, сакрально-правовой, сакраментальный, святой, священный, сокрытый, сокровенный, трансцендентальный, царский, энергичный* и др. Но чаще всего «сакральный» отождествляется с лексемами «святой», «священный».

По данным НКРЯ, констатируется активное бытование вышеназванных прилагательных, употребление которых в контексте расширяет семантическое поле каждого. Мы выбрали несколько примеров из основного и газетного корпуса и проиллюстрировали различные словоупотребления и смыслы, представив в табл. 1:

Таблица 1 / Table 1

**Примеры словоупотребления
прилагательных «сакральный», «священный», «святой» в НКРЯ /
Usage examples adjectives “Sacred”, “Holy” in the National Corps of the Russian language**

<i>Сакральный (-ое, -ая)</i>	<i>Священный</i>	<i>Святой (-ая)</i>
Статус власти	трепет	апостол
Искусство	город	Русь
Перформанс	договор	Георгий
Государственная награда	союз	источник, вода
Смысл	престол	Троица
Погребальный обряд	огонь	Князь
Благовоние	камень	Отчизна
Календарь	символ	подвиг
Тотем	долг	любовь
Инфернал	образ	Дух
Потенциал	день	человек

Как видим, прилагательное «сакральный» удерживает статус родового понятия и имеет достаточно широкое семантическое поле, объединяя три смысловых варианта: 1) ритуальный; 2) мирской, 3) ложно сакральный, напр.: *Пределом этого расхождения, эмпирически возможно чисто случайного, но несомненно символического, стало аутодафе еретических сочинений — своего рода сакральный перформанс* (Павел Кузнецов. Русский Феникс, или Что такое философия в России // «Звезда», 2001); *Снятие шивов для людей неискушенных имеет сакральный смысл* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)); *Наконец, тут рассказано о ритуальном курении у народов Центральной Америки — у которых люди Старого Света и заимствовали табак, — не обратив, правда, что совсем удивительно, ни малейшего внимания на его сакральный потенциал* (Ольга Гертман. В логике фармакона // «Знание-сила», 2013); *Так что сейчас майдан — это своего рода название традиционной для украинцев политической борьбы. Более того, для украинских патриотов слово «майдан» приобрело некий сакральный смысл* (Александра Лябина. Новый русско-украинский словарь: 10 неологизмов пост-майдана // Комсомольская правда, 2014.07.21) и др. [2].

Прилагательное «священный» употребляется с именами существительными либо с конкретным значением (предмет-тотем), либо с абстрактным (трепет, долг), поэтому объединяет три смысловых понятия: 1) божественный; 2) ритуальный; 3) мирской: *Во-первых, осторожнее обращаться со словом «священный», а во-вторых, остерегаться прилагать священные слова к слишком уж земным и обыденным реалиям* [Борис Межуев. Пусть имя «Сталинград» останется священным // Известия, 2014.06.09]; *Священный долг каждого гражданина заявить об этом компетентным органам* (Александр Гришин. Андрей Кураев попросил денег у читателей своего ЖЖ // Комсомольская правда, 2014.02.15); *Стоит отметить, крещенский обряд все больше напоминает не священный ритуал, а массовые народные гуляния повышенной опасности. Полицейские будут следить за общественным порядком во время празднования Крещения Господня и стараться не допускать нарушений* (Анастасия Новикова. Верующие готовятся отметить Крещение Господне // Комсомольская правда, 2014.01.18) и др. [2].

Прилагательное «святой» чаще употребляется со значением ‘идеал личности’, но «мировоззренческая неопределенность» отражает и лексико-семантические изменения с иронической коннотацией: *Святой апостол Андрей соединил юг и север того огромного пространства, которое позже стало Святой Русью* (Елена Чинкова. Украинцы поставили на Валааме памятник покровителю Руси // Комсомольская правда, 2014.07.11); *Дело в том, что с каких-то пор зритель вдруг стал искать Святой Грааль западных сериалов — лучшее шоу, которое непременно надо смотреть* (Александр Павлов. Сериалы в борьбе за «железный трон» // Известия, 2014.06.23) и др. [2].

Таким образом, мы проиллюстрировали семантическую динамику прилагательного «сакральный» и убедились в том, что первоначальный смысл, зафиксированный в первых лексикографических источниках, либо утрачивается, либо трансформируется, демонстрируя частные закономерности семантической се-

куляризации, напрямую зависящую от механизмов взаимосвязи языка с духовно-нравственными и этическими ориентирами. Анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» в исторической ретроспективе выявил широкий пласт лексико-семантических вариаций, который можно разделить на несколько этапов: 1) дохристианский; 2) христианский; 3) секуляризированный. Дохристианский этап представлен понятийным рядом — ‘архаичный’, ‘традиционный’, ‘ритуальный’, ‘божественный’, ‘священный или тотемный’; христианский представлен как религиозной, так и народной смысловой доминантой, отождествлен с прилагательными «святой», «священный». По словам Н. Толстого, «понятие “сакральный” является результатом сложного соединения дохристианского представления с развившимися на его основе новыми значениями, принесенными христианскими ценностями» [11. С. 534]. Секуляризированный этап способствует формированию широкого семантического пространства и представляет различные словарные дефиниции с отсутствием важнейшей семы исследуемого прилагательного — «божественный». «Сакральный» является членом оппозиции «сакральный» — «профанный», коррелирующий другие оппозиции *чистый* — *нечистый*, *белый* — *черный*, *свет* — *тьма*, *верх* — *низ*, *центр* — *периферия* и др. Стилистическая высота прилагательного «сакральный» в современном контексте чаще становится средством создания торжественности с мирским содержанием, средством иронично-шутливого эффекта. Вторичное представление метаязыка лингвистики подталкивает к выявлению культурологической доминанты прилагательного «сакральный» и к активному поиску и восстановлению его семантического ядра.

Библиографический список

1. *Медведев А.В.* Сакральное как причастность к абсолютному / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В.В. Ким (предс.) и др.; Вып. 13).
2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.10.2019).
3. *Шкуран О.В.* Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье* // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2019. no 3(103). С. 204—211.
4. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис»; Школа «Языки русской культуры», 1995.
5. *Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь. Изд. 2-е переработанное и доп. М.: Русский язык, 1976.
6. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.
7. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (со внесением въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений). М.: Типография «Вильде», 1899 (репринтное, отсканированное издание).
8. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лиснера и Д.Совко, 1910—1914.
9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ: изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Санктъ Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1912.

10. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М.: Унив. тип., 1848.
11. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 4. 2009.
12. *Машиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998.
13. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998.
15. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. / М.И. Михельсон. М.: ТЕРРА, 1997.
16. *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, поговорок, пословиц, поговорок, пословицных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997.
17. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018.
18. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное воспроизведение издания 1903—1900 гг., осуществленных под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1—4. М. Прогресс, Универс, 1994.
19. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских пословиц. ОЛМА Медиа Групп, 2010.
20. *Селезнева С.Н.* Динамика «сакрального» и «мирского» в истории слова «праведник» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. no 4 (22). С. 319—324.
21. *Владимирова Т.Е.* Сакральная память слова // Журнальный клуб Интелрос Метафизика. 2016. no 4(22). С. 98—110.
22. *Толстова Г.А.* Культура языковой личности: Религиозная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой // Русский язык и культура речи: сборник материалов семинара-конференции. Красноярск, 14—16 марта 2006. Красноярск, 2006. С. 246—256.
23. *Гневэк О.В.* Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. no 2 (24). С. 56—61.
24. *Дронова Н.П.* Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Проблемы языкового сознания: материалы Международной конференции 15—17 сентября 2011 г. Вып. VIII. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 402—404.
25. *Королева И. А.* Изучение сакрально-богослужебной лексики в молодежной аудитории // Вестник СНО 15. Волгоград: Перемена. 2002. С. 126—134.
26. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007.
27. *Воробьева Н.А.* Сакральная фразеология и ее представление в современном русском сознании // Вестник ЧГПУ. Челябинский пед. ун-т. Челябинск, 2007. Вып. 1. С. 191—201.
28. *Наумов К. Д.* Сакральные представления как источник русской и польской идиоматики // Язык и ментальность: сб. научн. ст. СПб.: СПбГУ. 2010. С. 293—298.
29. *Охалина А.А., Белякова С.М.* Сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2012. no 1. С. 170—176.
30. *Кузьмина Т.В.* Сакральное значение слова *ангел* // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы IX Международной конференции. Владимир, 22—24 сентября 2011. Владимир. С. 254—259.

References

1. Medvedev, A.V. (1999). Sacred as involvement in the absolute In Russian philosophical society; Inter-university the center of problems is continuous humanitarian education in the Ural Institute of Humanities named after A. M. Gorky. (Philosophical Education, Issue 13, V.V. Kim (ed.)). Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. (In Russ.).
2. The National Corps of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 10/15/2019). (In Russ.).
3. Shkuran, O.V. (2019). Sacred-pragmatic constant in paremia *Ne v den''gakh [tol'ko] shast'ye*. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, 3 (103), 204—211. (In Russ.).
4. Toporov, V.N. (1995). *Holiness and saints in Russian spiritual culture*. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia. Moscow: Gnosis; School “Languages of Russian Culture. (In Russ.).
5. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
6. Dictionary of Church Slavonic and Russian (1847). Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Dyachenko, G. (1899). *Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important ancient Russian words and phrases into it)*. Moscow: Typography “Wilde” (reprint, scanned edition). (In Russ.).
8. Preobrazhensky, A.G. (1910—1914). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Typography of G. Lissner and D. Sovko. (In Russ.).
9. Sreznevsky, I.I. (1912). Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written memorials: the publication of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
10. Buslaev, F.I. (1848). On the influence of Christianity on the Slavic language. An experience in the history of language according to the Ostromirov Gospel, written for a master's degree by candidate F. Buslaev. Moscow: Univ. typ. (In Russ.).
11. Slavic antiquities: Ethnological dictionary (2009) / ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Intern. Relations, 1995. Vol. 4.
12. Malinovsky, B. (1998). Magic, science and religion. Moscow: Refl beech.
13. Chernykh, P.Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
14. Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century. Language changes. G.N. Sklyarevskaya (Ed.). Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies (1998). St. Petersburg: Typography “Folio Press”. (In Russ.).
15. Mikhelson, M.I. (1997). *Russian thought and speech: Own and foreign: The experience of Russian phraseology: A collection of figurative words and allegories: in 2 volumes*. Moscow: TERRA. (In Russ.).
16. Mikhelson, M.I. (1997). Walking and apt words: A collection of Russian and foreign quotes, proverbs, sayings, proverbs and single words (allegories). Moscow: TERRA.
17. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle [monograph]. V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
18. Dal, V.I. (1994). *The explanatory Dictionary of the living Great Russian Language: Reprint Reproduction of the 1903—1900*. I.A. Baudouin de Courtenay (Ed.). Vol. 1—4. Moscow: Progress, Univers. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs*. St. Petersburg: OLMA Media Group. (In Russ.).
20. Selezneva, S.N. (2012). The dynamics of “sacred” and “worldly” in the history of the word “righteous”. *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*, 4 (22), 319—324. (In Russ.).
21. Vladimirova, T.E. (2016). Sacred memory of a word. *Journal club Intelros Metaphysics*, 4 (22), 98—110. (In Russ.).

22. Tolstova, G.A. (2006). Culture of a linguistic personality: Religious vocabulary in written speech by Agafya Lykova In *Russian language and culture of speech: a collection of materials from a seminar-conference*. 2006. March, 14—16. Krasnoyarsk. pp. 246—256. (In Russ.).
23. Gnevek, O.V. (2009). Changes in the semantics of the token of God (based on materials of modern phraseological dictionaries, as well as collections of Russian proverbs and anti-sayings). *Problems of History, Philology, Culture*, 2 (24), 56—61. (In Russ.).
24. Dronova, N.P. (2011). Linguistic means of verbalization of “sacredness” in German In *Cognitive studies of the language. Problems of language consciousness: proceedings of the International Conference, September, 15—17. Lis. 8*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House named after G. R. Derzhavin. pp. 402—404. (In Russ.).
25. Koroleva, I.A. (2002). The study of sacred and liturgical vocabulary in a youth audience. *Bulletin of the Student scientific society*, 15, 126—134. (In Russ.).
26. Konovalova, N.I. (2007). Sacred text as a linguocultural phenomenon: [Monograph]. Ekaterinburg: GOU VPO “Ural State Pedagogical University”. (In Russ.).
27. Vorobyova, N.A. (2007). Sacred phraseology and its presentation in modern Russian consciousness. *Bulletin of ChSPU*, 1, 191—201. (In Russ.).
28. Naumov, K.D. (2010). Sacred representations as a source of Russian and Polish idioms In *Language and Mentality: collection. scientific art*. SPb: SPbSU. pp. 293—298. (In Russ.).
29. Okhalina, A.A. & Belyakova, S.M. (2012). Sacral and profane time in M. Sholokhov’s novel “Quiet Don”. *Bulletin of the Tyumen State University. Philology*, 1, 170—176. (In Russ.).
30. Kuzmina, T.V. (2011). The sacred meaning of the word angel In *Language categories and units: syntagmatic aspect*. Materials of the IX International Conference. Vladimir. September, 22—24. Vladimir. pp. 254—259. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. *Сфера научных интересов*: филология, славянская фразеология, фразеография, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, сакральная лингвистика. Автор более 80 научных публикаций; *e-mail*: oksana.shkuran@mail.ru.

Information about the author:

Shkuran Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Ukrainian Philology and Publishing, Lugansk Taras Shevchenko National University. *Research interests*: philology, Slavic phraseology, phraseography, linguistic cultural studies, ethnolinguistics, cognitive linguistics, sacral linguistics. Author of more than 80 scientific publications; *e-mail*: oksana.shkuran@mail.ru.